

© 2011 г.

К.В. ХВОСТОВА

ИСТИНА И ОБЪЕКТИВНОСТЬ В ИСТОРИИ

Характеристики исторической истины и объективности составляют содержание одной из наиболее актуальных проблем эпистемологии и логики истории. Научная истина в любой сфере знания подразумевает наличие доказанных или аргументированных суждений и выводов. Наряду с таким общим пониманием истины в современной эпистемологии существует ряд ее уточненных определений, различающихся представлениями о происхождении и связях истины с общей структурой научного знания.

Используется аристотелевское определение истины, фиксирующее соответствие (корреспонденцию) суждения объекту исследования¹. Подобная дефиниция, как известно, была воспринята Фомой Аквинским и в целом христианской теоретической мыслью². Затем она вошла в европейскую культуру эпохи Просвещения, получила развитие в рамках классического естествознания Нового времени, аналитической, а также марксистской философии. Аристотелевское определение истины констатирует ее связь с понятием научной объективности, которое также предполагает соответствие высказываний объекту исследований. При этом подчеркивается соответствующая общезначимость научных рассуждений, отсутствие субъективизма.

В рамках философии прагматизма истину понимают как некий консенсус научного сообщества по поводу достоверности научных высказываний. Далее, в современной эпистемологии распространено представление относительно когерентного характера научной истины. Оно не только подразумевает две отмеченные ее характеристики (соответствие суждения объекту изучения и консенсус ученых), но еще и предполагает наличие зависимости истины от общего уровня научного знания, достигнутого к данному моменту времени. Подобные воззрения восходят к идеям Т. Куна, И. Лакатоса, П. Файерабенда об историческом, т.е. развивающемся во времени, характере всякой научной теории и соответствующей истины.

Согласно постнеклассической научной парадигме (конец XX – начало XXI в.), получившей распространение в современной физике, философии и эпистемологии, акцентируется идея конструктивизма, предполагающая выведение истинных суждений с помощью дедукции из понятий и посылок принятой в исследовании научной теории, т.е. конструирование истины на основе фактологического базиса с помощью соответствующих рациональных средств³.

Хвостова Ксения Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра “Проблемы исторического познания”.

¹ Обстоятельный анализ аристотелевского определения истины содержится в работе крупнейшего философа-экзистенциалиста Нового времени М. Хайдеггера. См. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 2002, с. 214.

² Там же.

³ *Запесоцкий А.С., Марков А.П.* Современная культурология как научная парадигма. – Вопросы философии, 2010, № 8, с. 79, 81.

Особняком стоит концепция истины М. Хайдеггера, который, исходя из анализа смыслового диапазона греческого наименования истины – ἀλήθεια, понимает ее как “извлечение из потаенности”⁴. Определение истины, данное Хайдеггером, благодаря своей обобщенности подчеркивает сложность данного понятия и как бы объединяет в себе все его характеристики. Мы полагаем, что понятие “истина”, предложенное Хайдеггером, включает и специфические черты исторической истины, которые будут проанализированы ниже.

Историческая истина рассматривается нами с позиций историка с использованием присущего историописанию понятийного аппарата. Наряду с этим учитывается применимость в истории всех названных определений общенаучной истины. Истоки представлений об исторической истине в европейской научной и философской мысли следует искать в древнегреческой философии и историографии. Целью исторических сочинений Геродота и Фукидида было стремление точно изложить исторические события, чтобы избежать их забвения в будущем. Подобное беспристрастное изложение называлось отысканием истины⁵.

В средневековой, в частности византийской историографии, которая в большей степени, чем западная, придерживалась античных традиций, переосмысленных с восточнохристианских позиций, целью изложения также провозглашалось нахождение истины на основе объективного рассказа об исторических событиях. Истинными мыслились те поступки людей и связанные с ними события, которые были праведными, т.е. соответствовали высшей божественной истине и поэтому удостоивались божественного вознаграждения. Напротив, поведение, отличающееся нарушением нравственных норм, заслуживало божественного возмездия и рассматривалось как ложное⁶. Аристотелевское требование соответствия суждения объекту изложения трактовалось как постижение истины, отражающей божественный промысел. Историческая истина, таким образом, понималась не только как эпистемологическая, но и как онтологическая характеристика. Присутствие в исторических сочинениях византийцев оценки происходящих событий с позиций христианской нравственности также показывает, что истина представлялась одновременно и как ценностное понятие⁷.

Определение исторической истины и объективности в новой и новейшей философской мысли является одной из наиболее сложных и трудно решаемых задач. Специфический характер исторической истины и объективности, их отличие от соответствующих естественно-научных понятий подчеркивал представитель современной герменевтики П. Рикёр, акцентировавший роль субъективного фактора и интуитивного понимания в истории⁸. Приверженец исторического рационализма Е. Топольский констатировал плюрализм исторической истины, связанной с субъективизмом исторических источников⁹. А. Про, сторонник критического реализма, отметил относительность истинных исторических высказываний¹⁰.

В рамках лингвистического направления в современной эпистемологии истории усматривается зависимость истины от языковой конструкции, от смысла, вкладываемого разными исследователями в современные теоретические понятия, а также в наименования, содержащиеся в исторических источниках¹¹.

⁴ Хайдеггер М. Бытие и время, с. 33, 319; *его же*. Основные понятия метафизики. – Вопросы философии, 1989, № 9, с. 136.

⁵ Кессиди Ф.Х. Была ли у древних греков идея истории? – Вопросы философии, 1987, № 8, с. 133.

⁶ Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. М., 2008, с. 171.

⁷ Хвостова К.В. Византийская философия истории. – Вопросы философии, 2009, № 5, с. 159–160.

⁸ Рикёр П. История и истина. СПб., 2002, с. 35, 45.

⁹ Topolski J. Some Remarks Concerning Historical Truth. – Foundations of science, № 3 (1995/96), p. 425.

¹⁰ Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000, с. 301.

¹¹ Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы. – Вопросы философии, 2006, № 4, с. 51, 54.

Распространенное среди историков, восходящее к Аристотелю представление об исторической истине, как о соответствии рассуждений сведениям источников, поставил под сомнение неогегельянец Р.Дж. Коллингвуд¹². Он полагал, что истина во всей своей полноте не сводится к результатам анализа данных, содержащихся в исторических источниках, она в известной мере конструируется “воображением историка”¹³. Иными словами, Коллингвуд признавал конструктивистский характер исторической истины, ее когерентность, т.е. связь с общим историческим знанием по данной проблеме. Неопрагматист Р. Рорти в духе постмодернизма вообще отрицает целесообразность использования понятия “истина” по отношению к историописанию, предлагая заменить его понятием “новизна”¹⁴.

Приверженец современного эмпирического прагматизма Дж. Горман отстаивает идею консенсуса применительно к пониманию исторической истины. Он полагает, что консенсус сообщества ученых существует в отношении признания истинности так называемых атомарных или примарных фактов (даты жизни исторических деятелей, свидетельства источников о фактах и событиях).

Действительно, примарные или атомарные факты, сведения о которых извлечены из источников, составляют первичный фактологический базис науки. Полнота используемых в исторической работе источников служит основным критерием ее оценки как значимой для историописания. Однако неоспоримость многих таких фактов еще недостаточна для констатации истинности содержащихся в конкретной работе суждений и выводов относительно их причин, следствий и роли в историческом развитии. Кроме того, истинность присутствующих в историческом знании атомарных фактов отнюдь не очевидна, она нуждается в подтверждении, осуществляемом путем сопоставления данных различных источников об одном и том же проявлении реальности и признания их идентичности. Следует также учитывать то обстоятельство, что далеко не все атомарные факты общезначимы. Некоторые из них конструируются в рамках неформализованных исторических концепций с помощью индивидуальных интерпретаций сведений исторических источников. Соответственно, понимание таких фактов со стороны различных авторов неодинаково.

Это замечание особенно значимо по отношению к отдаленному прошлому, примарный фактологический базис которого во многом спорен. Например, в новейшей историографии на основе общетеоретических представлений об историзме в понимании исторических процессов сформулированы различающиеся мнения по поводу наличия или отсутствия историзма в представлениях об истории в древней Греции. Приверженцы одного из них полагают, что древние греки признавали временную изменчивость общественной жизни и, следовательно, им был присущ историзм¹⁵. Сторонники другой точки зрения утверждают, что историческое развитие понималось, в частности Фукидидом, как циклическое. Это означает, что за внешней изменчивостью исторических событий он усматривал вечно возвращающееся неизменное основание жизни¹⁶. Подобные расхождения во взглядах специалистов связаны с различной интерпретацией ими таких основополагающих понятий античной философии, как эон, логос, хронос, кайрос (момент времени).

Роль интерпретационных методик, позволяющих акцентировать разные аспекты одного и того же фактологического базиса, обусловлена тем, что предметом исторических исследований является прошлое во всем своем разнообразии. Развитие зна-

¹² Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. – Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980, с. 227.

¹³ Там же, с. 232.

¹⁴ Рорти Р. От религии через философию к литературе. – Вопросы философии, 2003, № 3, с. 31.

¹⁵ Кессиди Ф.Х. Указ. соч., с. 133.

¹⁶ Там же, с. 126.

ния, появление новых и совершенствование прежних неформализованных концепций и идей делает исторический источник “бездонным”, создающим новые возможности интерпретации, обуславливает черты плюрализма и субъективизма исторической истины.

Неоднозначная структура фактологического базиса свидетельствует об уязвимости утверждения Гормана, согласно которому истинность примарных фактов устанавливается средствами двузначной логики. Он считает, что «некоторое суждение “Р” всегда или истинно, или ложно»¹⁷. Думается, что возможности двузначной логики в отношении признания истинности даже атомарных или примарных фактов ограничены. В полной мере подобный критерий может быть отнесен к установлению истинности исторических суждений только по отношению к одной конкретной работе. Действительно, если в историческом сочинении соблюден принцип истинности суждений в соответствии с двузначной логикой, это означает, что данное исследование непротиворечиво и подлежит дальнейшему анализу на предмет выяснения степени аргументированности содержащихся в нем высказываний.

Зависимая от индивидуальной интерпретации и понимания в рамках неформализованных концепций структура исторических фактов (в том числе примарных), событий, явлений, отношений представляет собой более сложную идеальную конструкцию, по сравнению с таковой в естественных науках. Это подтверждает, на наш взгляд, справедливость мнения известного отечественного логика В.К. Финна о специфических чертах логики исторического исследования. Согласно его выводам, в истории отсутствует доказательство гильбертовского типа (система аксиом и правил выводов). Суждения, гипотезы и выводы в исторической науке построены в основном не на дедуктивном доказательстве, а на индуктивных заключениях, являющихся результатом анализа проверенных сведений источников. Соответствующие выводы составляют основу исторической аргументации. Они не рассматриваются в качестве доказанных и безусловных истин, но квалифицируются в логике как правдоподобные¹⁸. Такое понимание истины предполагает наличие степеней истинности, т.е. большего или меньшего правдоподобия высказывания.

Степень истинности суждений и выводов в историческом исследовании, как показывает В.К. Финн, определяется средствами четырехзначной логики. Степень наибольшего подтверждения фиксируется при условии, что все данные могут рассматриваться как аргументы в пользу предложенной гипотезы. При наличии аргументов не только “за”, но и “против” – степень истинности высказывания понижается. В ситуации, когда все аргументы против гипотезы, степень ее истинности нулевая. Возможна ситуация неопределенности, когда аргументы отсутствуют или число аргументов “за” равняется числу доводов “против”¹⁹.

Правдоподобные или истинные исторические высказывания характеризуют не только факты, события, поступки исторических агентов, они относятся и к констатации различных свойств целостностей: эпох, государств, культур, цивилизаций. Такие суждения и заключения могут отличаться еще большим разнообразием своего содержания, по сравнению с высказываниями по поводу атомарных фактов. Это объясняется не только неодинаковой интерпретацией отдельными учеными сведений исторических источников, но и тем обстоятельством, что авторы, придерживающиеся различных мировоззренческих установок, в праве придавать наибольшее значение разным проявлениям изучаемого прошлого. Например, эпоха европейского Возрождения рассматривается представителями секуляризованной научной традиции, признающими в качестве критерия прогресса новое отношение к человеку, интерес к антично-

¹⁷ Горман Дж. Грамматика историографии. – Вопросы истории, 2010, № 3, с. 45, 51.

¹⁸ Финн В.К. Интеллектуальные системы и общество: идеи и понятия. – Финн В.К. Интеллектуальные системы и общество. М., 2006, с. 292, 294.

¹⁹ Там же, с. 224, 292.

ти, как расцвет. Но с религиозных позиций, приверженцы которых отдают приоритет нравственно-религиозным факторам, та же эпоха характеризуется как упадок.

Как писал Рикёр, подобное расхождение во взглядах историков на прошлое обусловлено их заинтересованным отношением к истории, тем, что они по-своему изучают ценности, присущие людям изучаемого времени²⁰, по-разному определяют их значимость и актуальность.

И та, и другая, прямо противоположные оценки рассматриваются как истинные в рамках соответствующих мировоззренческих представлений. Роль ценностного подхода и мировоззренческого фактора, обуславливающих наряду с исторической интерпретацией плюрализм исторической истины, определяет существенное отличие истории от физики. Физическая истина, как известно, конструируется с помощью дедукции, обеспечивающей понимание фактологического базиса в рамках математического описания, составляющего неотъемлемую часть физической теории.

Однако отсутствие в истории доказательства гильбертовского типа не означает полную неупотребимость дедукции. Дедукция используется, но ее применение неявно и связано либо с ценностно-мировоззренческим подходом, либо с неформализованными историческими концепциями, отличающимися плюрализмом основополагающих понятий. Например, известна концепция цивилизационного развития человечества, в рамках которой само понятие “цивилизация” по-разному понимается отдельными учеными²¹. Многозначны современные понятия и концепции феодализма, ставшие объектом недавних дискуссий в мировой медиевистике. Популярно представление о таких стадиях развития человечества, как охота, собирательство, аграрное, индустриальное и постиндустриальные общества. При этом критерии вычленения стадий и времени их наступления, т.е. историческая периодизация, разнятся в различных исследованиях.

Итак, история с присущей ей истиной отличается от физики иной ролью дедукции в историческом исследовании и специфическими формами сочетания дедуктивного и индуктивного анализа. Эти особенности объясняются наличием многозначных неформализованных исторических концепций, отсутствием математического описания.

Отмеченные характерные черты исторического познания, обусловившие плюрализм и элементы субъективизма исторической истины, определяются самим предметом исторических исследований. Им является отраженная в исторических источниках реальность прошлого во всех своих многообразных проявлениях. Не только неповторимые факты и события, но и исторические регулярности, пространственно-временные тенденции и традиции анализируются в их индивидуальных вариантах. Этим объясняется отсутствие математического описания в истории. Нюансы общественных отношений и деятельности людей улавливаются средствами исторического нарратива и естественных языков, на которых создаются исторические работы. Представители европейского функционализма 50–70-х годов XX в. претендовали на определение единой функции, характеризующей некоторую социально-культурологическую целостность²². Но, видимо, эта точка зрения не подтверждается рассмотрением многозначного опыта исторических исследований, авторы которых придают разную значимость различным проявлениям исторического прошлого.

Плюрализм исторической истины обусловлен в конечном счете таким определяющим фактором (его роль, как отмечалось выше, специально подчеркнута Топольским), как субъективный характер самого исторического источника, отражающего индивидуальную позицию автора. Против идеи единой исторической истины возражал еще Хайдеггер, полагавший, что «ни в одной науке “общезначимость” масштабов и заявки на “всеобщность”... не могут быть в меньшей мере критериями “истинности”»,

²⁰ Рикёр П. Указ. соч., с. 44.

²¹ Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма, с. 6–7.

²² Merton R. Social Theory and Social Structure. New York, 1957, p. 34; Boudon R. L'analyse mathématique des faits sociaux. Paris, 1968, p. 26.

чем собственно в историографии»²³. Согласно воззрениям Хайдеггера, в основе понимания исторической истины лежит не сама по себе фактологичность действительности. Истина обнаруживается только в рамках герменевтической ситуации²⁴. Очевидно, Хайдеггер имплицитно разделял идею когерентности исторической истины, зависящей и от фактологического базиса науки, и от общего уровня исторического знания, нашедшего выражение в общих неформализованных концепциях.

Однако мы полагаем, что присущий исторической истине субъективизм и плюрализм не безграничны. Суждения, связанные с личностным пониманием проблемы, признаются истинными не только при аргументированном использовании достоверного фактологического базиса, но и при условии соблюдения в исследовании ряда правил, отражающих профессионализм в истории. Это означает, что посвященный анализу целостностей исторический дискурс должен включать четкое определение используемых понятий, обоснование избранной эвристики и характеристики значимости, придаваемой в данном сочинении различным аспектам предмета исследования. Иными словами, должны быть обозначены те моменты, которые выражают индивидуальный авторский подход, особенности понимания и интерпретации фактологического базиса, отличающие данное исследование от других. Правильно организованная в логическом плане работа дает возможность выявить степень аргументированности содержащихся в ней выводов, позволяющих определить истину как “извлечение из потаенности” и объективность в форме соответствия выводов фактологическому базису.

Следование в работе логическим принципам обуславливает плодотворность исторических дискуссий. Если названные правила нарушаются, дискуссия неправомерна: в таком случае не ясно, о чем идет спор. Часто историки вкладывают разное содержание в одни и те же используемые понятия, акцентируют разные проявления изучаемых феноменов, однако не фиксируют это немаловажное обстоятельство в ходе дискуссии. В результате возникает бессмысленный разговор о разных вещах при иллюзии, будто бы историки спорят по намеченным проблемам. В отношении подобных работ трудно определить степень истинности полученных выводов.

Таким образом, историческая истина, как и истина в естественно-научном знании, представляет собой высказывания, сконструированные в рамках теоретических концепций, т.е. является суждениями и выводами об идеальном предмете исследования. В отличие от истины в физике, базирующейся на строгом доказательстве, историческая истина означает правдоподобное аргументированное заключение, сформулированное в рамках правильно организованного в логическом плане дискурса, включающего ценностно-интерпретационный компонент. В качестве основных аргументов истинности исторических высказываний выступают те сведения исторических источников, в отношении которых установлена их идентичность изучаемой реальности. Именно степень подтвержденности выводов такими данными определяет меру их правдоподобия. Высказывания, не обоснованные с помощью проверенных сведений исторических источников или базирующиеся на фальсифицированных данных, расцениваются как ложные. При этом правомерность исторической интерпретации, равно как придание разными авторами некоторым историческим факторам неодинаковой значимости, наряду с субъективным характером самих исторических источников, определяют признаки субъективизма и плюрализма исторической истины. В отличие от физики истинные высказывания в истории не основаны на прямом наблюдении предмета изучения. Информация о нем транслируется с помощью субъективного по своей природе исторического источника, составляя основную причину субъективизма и плюрализма исторического знания. При характеристике истины в истории используются все вышеназванные определения истины в эпистемологии.

²³ Хайдеггер М. Бытие и время, с. 395.

²⁴ Там же, с. 395, 397.

Сегодня в эпистемологии популярно направление, представители которого отстаивают идею о том, что в настоящее время происходит сближение исторического и естественно-научного знания и соответствующих истин²⁵. Однако “заслуга” этого достижения приписывается отнюдь не каким-либо переменам в структуре, целях, задачах или методах исторических наук, но изменившемуся характеру современной физики и ее влиянию на историю.

Вслед за И. Пригожиным, родоначальником синергетики, базирующейся на идеях нестабильности, динамического хаоса и предопределившей перемены в физике, современные теоретики полагают, что развитие современной физики, основанной на идеях квантовой механики, связано с релятивизмом выводов²⁶. Отмечается, что в современной физике происходит отход от принципов воспроизводства результатов, что было свойственно классической физике²⁷. Исчерпывающее эмпирическое подтверждение ряда теорий в современной физике и космологии, как полагают современные аналитики, находится за пределами возможного²⁸. Доминирует идея конструирования истины, происходящего в зависимости от теоретических построений, востребованных сегодня для объяснения существующих проблем²⁹. Наличие подобной исследовательской ситуации в физике и стало основанием гипотезы о сходстве как физической и исторической истины, так и в целом структур того и другого знаний. Примечательно, что Пригожин, говоря о невозможности абсолютных физических предсказаний в отношении сложных нелинейных динамических систем в физике, о релятивизме физических выводов, проводит параллель с относительным характером заключений в историческом знании, упоминая историков М. Блока и Ф. Броделя³⁰.

Однако констатация схождения физики и истории парадоксальным образом влечет за собой в рамках современной эпистемологии разные выводы о дальнейших путях развития той и другой дисциплины. Если в физике идеи динамического хаоса привели к заключению о релятивизме знания, об ограниченном рационализме и о невозможности точных предсказаний некоторых явлений³¹, то в истории те же синергетические идеи породили попытки разработки способов прогнозирования будущего на основе открытия и изучения средствами математического макро моделирования общих законов развития человечества. Это объясняется обратным влиянием физики на историю, создающим представление о необходимости создания в истории такого же математического описания, какое составляет неотъемлемый атрибут физики.

Идеи сближения истории и физики, интерес к макро моделированию в истории сопровождаются рядом попыток определить факторы, обуславливающие особенности не только истины, но и объективности в истории. Если понятие исторической истины является логико-эпистемологической характеристикой, то понятие объективности подразумевает важнейший способ установления этой истины и, следовательно, представляет собой не только эпистемологическую, но и методологическую характеристику. Объективность предполагает подтверждение высказывания проверенными данными исторических источников и общезначимость соответствующих выводов. Но, как отмечалось выше, эти качества исторических высказываний не исчерпывают содер-

²⁵ Целищев В.В. Аналитическая философия и сайентизм. – Вопросы философии, 2010, № 8, с. 11.

²⁶ Пригожин И. Переоткрытие времени. – Вопросы философии, 1989, № 8, с. 3–5, 14, 15; *его же*. Философия нестабильности. – Вопросы философии, 1991, № 6, с. 51.

²⁷ Целищев В.В. Указ. соч., с. 11.

²⁸ Там же.

²⁹ Запесоцкий А.С., Марков А.П. Указ. соч., с. 79, 81; Toraldo di Francia Y. Historical Truth. – Foundations of Science, № 3 (1995/96), p. 407–416.

³⁰ Пригожин И. Переоткрытие времени, с. 3–5.

³¹ Майнцер К. Вызовы сложности в XXI веке. Междисциплинарное введение. – Вопросы философии, 2010, № 10, с. 87–88.

жания понятия исторической истины, отличающейся субъективизмом и плюрализмом проявлений.

Выразителем классического объективизма в истории, как известно, был Л. Ранке, полагавший, что историк должен изучать то, что реально происходило. Сегодня мало кто из ученых придерживается подобного мнения. Очевидно, что историческая память, отраженная в субъективных исторических источниках, фрагментарна и не отражает историю во всей ее целостности.

Характерна интересная попытка обнаружить объективность историописания в единстве “паратеоретических представлений о мире”³². Действительно, общее мирозерцание, связанное с разнообразием побуждений, определяющим социальное поведение исторических агентов, может рассматриваться как некая конечная, объективная, т.е. независимая от индивидуальных воззрений, присущая всем людям совокупность соответствующих проявлений. Однако историк узнает о них из исторических источников, субъективных по своей природе и отражающих индивидуальный подход авторов. Кроме того, необходимо учесть тот факт, что для истории социума характерен очень существенный парадокс, который должен учитываться в исследовательской практике. Он состоит в том, что мотивы, интересы, цели социального поведения людей, равно как определяющие их представления о мире, отнюдь не совпадают с результатами их поступков.

Горман полагает, что не только истина, но и связанная с ней объективность исторических выводов определяется примарными или атомарными фактами, принятыми в исторических исследованиях³³. Хайдеггер так же усматривал основания для констатации исторической объективности в фактологическом базисе исторического знания³⁴.

Субъективизм исторических источников показывает уязвимость гипотезы отечественных исследователей, видевших объективность исторического знания в факте существования общих для всех исследователей исторических источников как предмета анализа³⁵. По мнению Рикёра, объективность в истории сочетается с субъективностью, проявляющейся в том, что историк отбирает для своего анализа только те факты, которые важны с точки зрения его представлений. Он считает, что “субъективность историка, если сравнивать ее с субъективностью физика, вторгается в сферу особого смысла, привнося с собой необходимые для интерпретации схемы... Рациональность истории зависит от суждения о значимости, у которого... нет твердых критериев”³⁶.

Говоря об объективности историописания, полагаем, что целесообразно специально подчеркнуть ту роль, которую играют в ее достижении так называемые архетипы сознания, основанные в известной степени на бессознательном восприятии человеком социальной реальности. Свое яркое проявление они нашли, в частности, в великих культурах древности и средневековья в форме дихотомических представлений типа: свет – тьма, мир небесный – мир земной, добро – зло и т.д.

Приверженцы постмодернизма, отмечая многофакторность предмета исторических исследований, отрицали дихотомический подход как метод исторических исследований. Однако он необходим, во-первых, потому, что позволяет реконструировать названные общезначимые архетипы сознания, а во-вторых, принцип дихотомии лежит в основе некоторых исторических типологий и классификаций, составляющих важнейшую разновидность неформализованных исторических концепций. Типология осуществляется на основе индуктивного анализа достоверных, проверенных сведений исторических источников. Этим она отличается от других видов неформализованных

³² Старжинский В.П., Табачков А.С. История и теория: на пути преодоления непредсказуемости прошлого. – Вопросы философии, 2010, № 1, с. 35–36.

³³ Горман Дж. Указ. соч., с. 50.

³⁴ Хайдеггер М. Бытие и время, с. 379, 394.

³⁵ Румянцева М.Ф. Современное источниковедение: поиск универсальных оснований научного знания. – Проблемы исторического познания. М., 2011 (в печати).

³⁶ Рикёр П. Указ. соч., с. 41.

исторических концепций (цивилизаций, аграрного, индустриального, постиндустриального обществ и др.), характеризующихся значительной многозначностью своих понятий. В силу этой своей особенности типология имеет непосредственное отношение к объективности исторического знания и к нахождению исторической истины.

Говоря об историческом объективизме, следует отметить, что многочисленные исторические пространственно-временные тенденции и традиции – социальные, экономические, культурологические – оформились с помощью юридических и нравственно-религиозных норм и институтов, обеспечивающих их устойчивый, обязательный характер. В силу этого их изучение в конкретных исторических исследованиях также способствует объективизации исторического дискурса.

Таким образом, историческая объективность сложна и специфична. Ее содержание определяется не результатами непосредственных наблюдений, а определенными более или менее однозначными рационалистическими методами и конструкциями, направленными на изучение исторических источников. Кроме того, историческая объективность относительна как в силу присущего историческим источникам субъективизма, так и по причине своего сочетания с неизменной индивидуальной интерпретацией сведений источников и различающимся пониманием проблемы отдельными исследователями.

Возвращаясь к проблеме сходств и отличий исторического знания и основанной на квантовой механике современной физике, необходимо отметить, что классическая физика с ее принципами верификации выводов с помощью воспроизводства экспериментов составляет неотъемлемую часть современного физического знания³⁷. Его структура существенно отличается, на наш взгляд, от строения истории. В истории не происходит повтора наблюдений в том смысле, как это имеет место в классической физике, т.е. с целью подтверждения с помощью индуктивных выводов общей формализованной теории. В истории вообще отсутствует наблюдение, аналогичное осуществляемому в физике, так как фактологические данные реконструируются историком на основе субъективных по своему происхождению источников. Многократное обращение историков к одним и тем содержащимся в источниках сведениям происходит в целях получения их новой интерпретации и понимания под новым углом зрения. В истории в отличие от физики, как это хорошо известно и отмечалось выше, отсутствуют формализованные теории в форме математического описания. Эти особенности знания тесно связаны с выявленной выше спецификой исторических истины и объективности.

Сходство исследовательских процедур в названных двух видах знания состоит в следующем. Общие законы истории³⁸, как и общие законы естественных наук, согласно современной эпистемологической традиции, восходящей к Д. Юму, И. Канту, А. Эйнштейну, И. Лакатосу и др., формулируются на основе исследовательской интуиции, отражающей коллективный исследовательский опыт ученых в соответствующей сфере знания. По отношению к истории это проявляется в следующем. В источниках отсутствуют прямые сведения об общих исторических законах как таковых, их формулировки в теоретических исследованиях – результат обобщений индуктивных выводов, характеризующих отдельные пространственно-временные тенденции.

Основной закон исторического развития, полагаем, состоит в необходимом наличии в каждом обществе возникших в результате длительной биоантропосоциальной эволюции государственно-правовых, религиозно-нравственно-культурологических норм и институтов, различающихся и развивающихся в рамках отдельных пространственно-временных диапазонов³⁹. Если бы этот закон функционировал как единый

³⁷ *Литкин А.И.* Две методологические революции в физике – ключ к пониманию оснований квантовой механики. – Вопросы философии, 2010, № 4, с. 75.

³⁸ О них подробно см. *Хвостова К.В.* Некоторые проблемы исторического познания. – Новая и новейшая история, 2010, № 5, с. 57.

³⁹ Там же, с. 57–58.

стохастический процесс, его проявления могли бы служить основой для прогнозирования будущего с помощью известных в науке статистических характеристик. Однако он действует в форме сменяющих друг друга многочисленных пространственно-временных тенденций⁴⁰. Именно их совокупность и составляет то, что в рамках современной синергетики именуется динамическим хаосом. Поэтому прогнозирование будущих форм исторических законов, как и предвидение отдаленных следствий нелинейных динамических систем в физике, весьма затруднительно, или вообще невозможно.

Историк изучает пространственно-временные тенденции не только на уровне их необходимого содержания, но и главным образом в их многообразных конкретных формах, отраженных в исторических источниках. При таком подходе возникают исторические суждения, гипотезы и заключения, истинное содержание которых в логическом и эпистемологическом отношении отличается от физических выводов.

Физическая модель в понимании современных ученых подразумевает неизменное физическое состояние, т.е. идеальную физическую частицу как предмет исследования⁴¹. Это означает, что учитываются существенные черты явления, тогда как присущие сложным нелинейным системам многие отдаленные следствия рассматриваются с позиций идей синергетики как недоступные для предвидения.

В истории факты, события, конкретные индивидуальные проявления пространственно-временных тенденций отнюдь не нуждаются в прогнозировании. Сведения о них не только наличествуют в исторических источниках и составляют основу реконструирования идеального предмета изучения, но и отражают основное содержание исторического исследования.

Далее, физическая модель включает математическое представление, на основе которого с помощью дедуктивных выводов осуществляется предсказание поведения физической частицы⁴². В истории при отсутствии подобных общих математических описаний их функцию выполняют неформализованные концепции, которые обуславливают общее понимание и частичное дедуктивное объяснение фактологического базиса.

Историк использует математические методы для измерения интенсивности взаимодействия факторов, образующих пространственно-временные социальные и экономические тенденции⁴³. При всех возникающих при этом ограничениях применение математических методов способствует повышению степени правдоподобия истинных выводов и уровня объективности анализа.

Отсутствие общих формализованных теорий и наличие неформализованных концепций вряд ли может рассматриваться как недостаток исторического знания. Как отмечалось выше, это объясняется предметом изучения истории, составляющим прошлое во всех его множественных проявлениях.

Отличия исторического знания от физического, как видно, тесно связаны с плюрализмом исторической истины и характером исторической объективности. Если направление современных исследований, основанное на математическом макромоделировании исторических законов, достигнет в своем развитии такого уровня, на котором будет четко определен соответствующий понятийный аппарат, необходимый для дедуктивного построения выводов, прогнозирующих на основе изучения исторического прошлого будущее развитие человечества, то появится возможность говорить о создании нового вида знания. При этом историческая наука, предметом изучения которой является все многофакторное разнообразие действительности, запечатленное в сохранившихся исторических источниках, характеризующаяся плюрализмом исти-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Липкин А.И. Указ. соч., с. 76.

⁴² Там же.

⁴³ Хвостова К.В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории. – Новая и новейшая история, 2007, № 3, с. 68.

ны и спецификой объективности, будет, видимо, по-прежнему развиваться и пользоваться всей совокупностью присущих ей методик и логических средств.

Тот факт, что одним из проявлений плюрализма исторической истины является отмеченная выше правомерность придания разным факторам со стороны отдельных ученых различного значения, создает впечатление, что в этом отношении историческое знание обнаруживает сходство с физикой. В современной физике для объяснения поведения идеальной физической частицы различными учеными, действительно, может быть выбрано то или иное математическое представление, в соответствии с индивидуальным пониманием разными авторами его преимуществ⁴⁴. Однако это лишь внешнее, несущностное сходство истории и физики, объясняемое тем известным обстоятельством, что исследователь в любой сфере научной деятельности при выборе объяснительных процедур руководствуется личным пониманием степени их адекватности предмету изучения.

Таким образом, сущностные отличия исторической истины и объективности от соответствующих физических характеристик кроются в различном отношении к индивидуальным, случайным проявлениям изучаемой реальности, которые в исторической науке составляют неотъемлемый компонент предмета исследования. Следует добавить, что при рассмотрении исторической истины и объективности мы исходили из анализа суждений, гипотез и выводов, содержащихся в конкретных исторических исследованиях, а не руководствовались рассуждениями, направленными на изменение структуры традиционного исторического знания и инспирированными характером современной физики.

⁴⁴ Липкин А.И. Указ. соч., с. 76.